

А. Ю. Коровкина

## НОРМАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТУНИСЦЕВ В ЗЕРКАЛЕ ФОЛЬКЛОРА

Санкт-Петербургский государственный университет,  
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена отражению фольклорных традиций в жизни современных тунисцев. В работе рассматривается тунисская сказочная традиция с позиции трех основных систем поведения: *мурувва*, *асабийя* и *дин*, характерных для этикета всего Ближнего Востока в целом, и ее интерпретации в реальной жизни с учетом уникальных особенностей региона, сложившихся в результате смешения различных культур. Речь идет об анализе фольклорных ситуаций и персонажей в соответствующем контексте и отношении к ним жителей современного Туниса. В ходе работы над статьей использовались материалы последних лет на арабском (в том числе на тунисском диалекте), европейских и русском языках и данные полевых исследований автора. Народная культура Туниса в современной арабистике затрагивается мало, поэтому данная работа представляется особенно актуальной. Библиогр. 19 назв.

**Ключевые слова:** арабистика, Ближний Восток, Северная Африка, Тунис, культура, мурувва, асабийя, дин, традиция, фольклор.

## NORMATIVE BEHAVIOR OF MODERN TUNISIANS IN THE MIRROR OF FOLKLORE

A. Yu. Korovkina

St.Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, St.Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is dedicated to the theme of the reflection of folk traditions in the life of modern Tunisians. This work examines the Tunisian tradition of fairy-tales from the position of three main systems of behavior *muruvva*, *asabiyya* and *din* characteristic of the Middle East etiquette in general, and its interpretation in real life, taking into account the peculiarities of the region, established as a result of the mixing of different cultures. The article analyzes the situations and characters of folklore in the proper context and the attitude of the residents of modern Tunisia to them.

The scientific literature of the recent years, in the Russian, European and Arabic languages, as well as videos in Tunisian Arabic and the materials of the author's field research were used in the process of writing this article. Unfortunately, there are very few studies about popular culture in the modern Tunisia that is why this work is particularly relevant in this sphere. Refs 19.

**Keywords:** arabic studies, the Middle East, North Africa, Tunisia, culture, muruvva, asabiyya, din, tradition, folklore.

Три основные нормативные системы поведения *мурувва* (مرودة), *асабийя* (عصبية), *дин* (دين)<sup>1</sup>, характерные для этикета, принятого на Ближнем Востоке, претерпевают в Магрибе определенные изменения. Рассмотрим, как именно в настоящее время они реализуются в народной культуре Туниса. Основными источниками для написания статьи послужили сборник тунисских сказок доктора Али аль-Ариби, видеоматериалы тунисских телепередач и данные полевых исследований, проведенных в столице страны и на острове Джерба в 2009, 2010 гг. Если сборник дает фактический материал по сказочному фольклору современного Туниса, то данные телепередач и полевых исследований помогают составить представление о том, как нормативное поведение реализуется на практике в народной культуре.

Несмотря на то, что сказочные сюжеты, бытующие в разных частях арабского мира, в частности в Магрибе, освещены достаточно неплохо (например, указатель

<sup>1</sup> См. подробнее: [1, p. 60].

аш-Шаами, самая крупная работа такого плана, посвященная сказочному фольклору Арабского мира, содержит большое количество ранее не опубликованного фактического материала и предоставляет ссылки на его источники, но у него есть и свои недостатки: скудное описание каждой сказки и их классификация), Тунис в этом отношении до сих пор остается белым пятном. Представляет немалую сложность найти фольклорный материал. Настоящей удачей можно считать вышедший несколько лет назад сборник тунисских сказок доктора Али аль-Ариби, который постарался зафиксировать максимальное число текстов (в книге их 92). В предисловии он отмечает, что идея создания подобной книги пришла к нему еще много лет назад, когда он работал школьным учителем. Чтобы ее осуществить, доктор аль-Ариби попросил своих учеников помочь ему. В результате получилось собрание сказок из всех регионов Туниса, к сожалению без их конкретного указания [2, р. 7]. Сказки не разделяются в сборнике по какому-то определенному принципу. Более того, некоторые тексты, вошедшие в сборник (например, «Сиди Бен Арус»), скорее подпадают под определение преданий или легенд о «святых», так любимых в Магрибе; но большую часть из них можно отнести к категории волшебных сказок. Можно также сделать вывод, что сборник не относится к детской литературе, потому что представленные сказки намеренно не были подвергнуты соответствующей редакции. Учитывая задумку автора — сохранить национальную фольклорную традицию, это решение кажется вполне логичным и для исследователя особенно ценным.

Такой подход объясняется первоначальной задачей, которую ставил себе д.А.аль-Ариби. Сам он признается в интервью М.ат-Тахиру Саламе, что главным мотивом, побудившим его записывать сказки, стала постепенная утрата традиции передачи устного народного творчества. Поэтому, чтобы сохранить наследие своего народа и передать его последующим поколениям, д.Али аль-Ариби принимает решение собрать самые различные сказки со всего Туниса и перевести их на литературный арабский язык [3]. Надо отметить, что со своей задачей он справился, поскольку вплоть до этого момента, за исключением небольшого числа сказок, переведенных на французский язык европейскими исследователями, существовало только одно издание национального сказочного фольклора Туниса, вышедшее в стране, — сборник знаменитого тунисского сказителя Абд аль-Азиза аль-Арви. Несмотря на то, что письменная традиция в Арабском мире, как правило, подразумевает использование классического варианта языка, Абд аль-Азиз аль-Арви отдал предпочтение тунисскому диалекту, дабы еще раз подчеркнуть, кто является истинным автором, и максимально сохранить тесную связь сказок и народной культуры. Издательство, учитывая огромную популярность рассказчика, решило дать сборнику имя его составителя — «Хикайат Абд аль-Азиз аль-Арви» («Истории Абд аль-Азиза аль-Арви»).

Выступления Абд аль-Азиза аль-Арви пользовались такой популярностью, что местный тунисский канал «Тунис 7» выкупил у его наследников право на выпуск серии художественных фильмов по мотивам самых популярных сказок. Проблема озвучивания повествовательной части в экранизациях была решена весьма оригинально: голос рассказчика за кадром, который слышит зритель, принадлежит самому Абд аль-Азизу аль-Арви — во время монтажа были использованы записи его старых радиовыступлений. Эта идея оказалась на редкость удачной. Успех был настолько внушительным, что через какое-то время руководство канала приняло решение продолжить коммерческий проект и выпустить в свободную продажу диски с фильма-

ми. Эти диски успешно продаются и сегодня. Что же касается книги, то сейчас она уже считается раритетом и достать ее крайне трудно. Все предыдущие тиражи были раскуплены, а новых не предвидится, потому что телекомпания, выкупив права, запретила переиздание книги, стараясь тем самым привлечь больше внимания к своим телевизионным проектам. Но самое интересное, что книгу невозможно отыскать даже в букинистических магазинах: видимо, владельцы не желают расставаться с таким сокровищем. Поэтому на данный момент самым полным и общедоступным собранием туниССского сказочного фольклора является книга аль-Ариби.

Три столпа, на которых зиждется туниССский сказочный фольклор, берут свое начало в нормативных системах поведения Ближнего Востока. Это *мурувва*, *асабиййа* и *дин*. В добавление к ним можно выделить своеобразный берберский элемент, под действием которого некоторые типичные для устной традиции Машрика положения претерпевают определенные изменения. Невозможно не отметить также в туниССских сказках отражение яркой исторической действительности, повлиявшей на их формирование.

Определить понятие *муруввы* можно следующим образом: «Это своеобразный “кодекс чести”, впитавший в себя набор качеств настоящего мужчины: доблесть, великодушие, щедрость, умение любить и веселиться, красноречие, верность данному слову, преданность, отвага, смелость, честность, терпение» [1, с. 60]. Анализируя имеющийся материал, можно прийти к выводу, что главный герой туниССских сказок, как правило, обладает качествами *муруввы*. Этот идеальный образ может и не вмещать в себя весь набор перечисленных характеристик, но основные черты *муруввы* отчетливо видны в каждом положительном персонаже. Проявление воинской доблести и отваги — обязательный атрибут героя-мужчины в сказках любого народа. В арабских же странах, в том числе и в Тунисе, особенно любят рассказывать разного рода вымышленные истории о подвигах какого-нибудь отважного принца или бедного юноши. Примером тому могут служить сказки «Али, сын султана», «Принцесса с белоснежной кожей», «Зияб и аль-Джазия аль-Хильялийа», «Острый меч», «Крестьянин и черная собака», «Убивающий эгоизм», «Сводящая с ума», «Али Бен Султан»<sup>2</sup> [2]. Интересно, что не только главные мужские персонажи должны проявить свою доблесть. Этот пункт становится обязательным и для второстепенных героев, которые, например, добиваются руки прекрасной девушки — основного действующего лица в сказке. Так развивается сюжет в истории «Людджа и ее брат Али»: будущему мужу Людджи приходится доказывать свое право на обладание ею через поединок с другим претендентом, которого он побеждает и убивает, что в итоге расценивается как проявление качеств настоящего, сурового и сильного воина.

О щедрости главного героя упоминается почти в каждой туниССской сказке. Щедрость его может выражаться не только в помощи неимущим, но и в каком-то необычайно дорогом подарке другому герою сказки. Например, в сказке «Пощечина» султан дарит младшему сыну другого правителя целую область. Жадность же и скаредность порицаются обществом. Очень много туниССских сказок посвящено теме наказания алчности и корысти («Справедливый правитель», «Ребаба и удивительное сокровище», «Счастливая деревня», «Жадность», «Женщина и трое нищих», «В поисках Господа», «Удел скупца», «Фатима и великан»).

---

<sup>2</sup> Здесь и далее полный пересказ сказок в русском варианте см.: [4, с. 85–158].

Лучшим свидетельством красноречия арабов, конечно, являются их стихи, и жители Туниса не исключение. В стране по-прежнему высоко ценится, во-первых, умение красиво, грамотно и изящно выражать свои мысли на правильном литературном арабском языке, а во-вторых, — способность сочинять необычные яркие тексты на диалекте, который сам по себе является прекрасным инструментом для создания красочного колоритного образа (например, уже упомянутый знаменитый тунисский сказитель Абд аль-Азиз аль-Арви в своих выступлениях пользовался только им). Доказательством первого утверждения является высокий конкурс и стремление большого числа выпускников школ попасть в знаменитый исламский университет «аз-Зейтуна», который славится своей подготовкой и из которого вышли многие выдающиеся исламские деятели. Как известно, успех мусульманского ученого во многом зависит от его красноречия и ораторского таланта. Судя по результатам, которые демонстрируют выпускники этого вуза, обучение искусству красивой речи находится в Тунисе на очень высоком уровне. Что же касается второго, то многочисленные теле- и радиопередачи, а также фольклорные фестивали, в рамках которых проводятся разнообразные соревнования в поэтическом искусстве, посвящены умению декламировать стихи, разыгрывать театральные сценки на диалекте и т. д.<sup>3</sup>

Верность данному слову всегда высоко ценилась в арабском обществе. Если бедуин давал обещание, он был обязан сдерживать его. Нарушение же слова жестоко каралось, а за провинившимся навсегда закреплялась репутация человека ненадежного, которому нельзя доверять. Ислам упрочил эту традицию. Не раз как в самом Коране, так и в хадисах многократно подчеркивается обязательный характер любого обещания. Одной из главных характеристик *мунафик'а* (منافق лицемера, как известно, в мусульманском мире нет ничего страшнее, чем получить такую характеристику) является измена данному слову. В качестве примера можно привести следующий хадис:

По свидетельству Абу Хурейры (да будет Аллах благосклонен к нему!): Существует три признака лицемера: когда он говорит (предметно), он лжет; когда дает обещание, нарушает его; когда ему доверяют (что-либо), он предает [5].

Как бы тяжело порой ни было исполнить обещание, это непременно нужно сделать. Для иллюстрации можно привести интересный пример — аравийскую легенду о Лейле и Таубе.

Говорят, что Лейла проезжала вместе с мужем неподалеку от могилы своего возлюбленного и, поравнявшись с нею, воскликнула: «Привет тебе, Тауба!» Ответа не последовало. «Не думала я, что Тауба может не сдерживать обещания! — сказала Лейла спутникам своим. — Разве не сказал он:

Если Лейла ал-Ахйалия обратится ко мне со словами привет, когда я буду покоиться в земле под могильным камнем,

Я ласково отвечу на ее привет, или ответит ей сова, что прячется возле могилы».

В этот миг к путникам вылетела сова, шумно хлопая крыльями. Верблюд Лейлы испугался и сбросил свою всадницу, она ударилась оземь и умерла [6, с. 84–85].

Верности своему слову учат и тунисские сказки. Так, в сказке «Пощечина» султан, пообещавший отдать в дар младшему принцу целую область земли, держит свое слово даже после оскорбления, нанесенного ему отцом мальчика, и победо-

---

<sup>3</sup> Коровкина А. Ю. Полевые материалы. Тунис, Тунис, Ж. М., муж., 25 лет, октябрь 2010 г.

носной войны против отца. В сказках «Заколдованный купец за семью морями», «И вернулся с девушкой в свою страну» герой всегда выполняет обещание жениться на той девушке, которая его спасет. Если по той или иной причине положительный персонаж не может выполнить обещанное, он старается компенсировать это своей помощью, что, например, делает волк в сказке «Пастух и волк»: вместо обещанных овец он помогает пастуху разбогатеть, а потом и удачно жениться. Обещание может быть гарантией спокойствия и стабильности в будущем, ему безоговорочно верят. Поэтому оно иногда выступает в качестве завершающего элемента тунисской сказки, как в случае с историей «Аиша и Ибик Бельхарис». Когда родители обещают больше не покидать свою маленькую дочь, их слова воспринимаются читателем как однозначно счастливый конец.

Проявление отваги и смелости обязательно почти для каждого положительного мужского персонажа. Так, знаменитая аль-Джазия аль-Хиялийа сделала свой выбор в пользу Зияба из-за его выдающейся смелости и мужественности. Ее соплеменники были вынуждены с ней согласиться, несмотря на отсутствие у жениха знатного происхождения и высокого социального статуса, поскольку личные характеристики юноши больше ценились в обществе. Таким же образом, проявив храбрость и бесстрашие в исполнении повелений эмира, сын бедняка становится для него желанным зятем в сказке «Эмир и сын бедняка». В сказке «Эмир и его жена-изменница» главный герой не побоялся вступить в разговор с королем гулей и задобрить его, за что получил в награду дворец, а потом и отправиться на поиски несуществующего лекарства для жены, что помогло ему открыть правду. В сказке «Три мудрости» юноша становится визирем и женится на дочери султана после многочисленных приключений, в которых он доказал свою преданность султану и проявил смелость. Отвага и бесстрашие главных героев позволяют им получить высокий статус, удачно жениться и разбогатеть в сказках «Вороной», «Али, сын султана», «Принцесса с белоснежной кожей», «Вещий сон», «Удел скупца», «Золотое перышко», «Острый меч», «Седьмая комната», «Крестьянин и черная собака», «Убивающий эгоизм», «И вернулся с девушкой в свою страну», «Сводящая с ума», «Али Бен Султан».

Следующий важный пункт *муруввы*, соблюдение которого особенно высоко ценится во всем арабском мире, — честность. Этот пункт закреплён Кораном, в котором не раз подчеркивается, что грех лжи — один из самых страшных грехов. Ярким примером этого может служить сказка «Честный нищий». Фантастика в этой сказке сведена к минимуму — счастливому случаю, который сначала посылает нищему юноше кошелек, а потом и девушку, что в обоих случаях объясняется его набожностью и богобоязненностью: герой находит кошелек с деньгами в мечети после прочтения молитвы, а на девушке он женится благодаря своей высокой нравственности, которая заставила его поступить по совести и отдать старцу его деньги. Это первое и основное значение сказки, но кроме поощрения честности есть в ней и порицание жадности и скаредности<sup>4</sup>: сам старец не придерживается данного слова (а он обещал тому, кто найдет его кошелек, отдать половину содержащейся в нем суммы), вместо денег он предлагает юноше молитву, которая в результате исполняется, но за счет интересов его семьи, т. е. его дочери, которая остается одна,

---

<sup>4</sup> Тут уместно вспомнить известную арабскую пословицу: العبد حر اذا قنع و الحر عبد اذا طمع — «Раб свободен, если довольствуется малым, а свободный — раб, если желает много».

без защиты мужчины, в результате чего выходит замуж за первого встречного, т. е. за этого самого бедного юношу.

Примечателен тот факт, что законы *муруввы* не зависят от социального статуса или имущественного положения араба. Каждый мужчина должен стремиться к обозначенному идеалу. В тунисских сказках не раз подчеркивается, что душевные качества, мораль и поступки героя гораздо важнее его первоначального местоположения в обществе, которое, естественно, в конце истории после успешного выполнения всех испытаний становится самым высоким из возможных. Так происходит в сказках «Эмир и сын бедняка», «Счастливая деревня», «Три мудрости», «Берегись человека!», «Вороной», «Зияб и аль-Джазия аль-Хильялийа», «Вещий сон», «Сапожник становится королем», «Честный нищий», «Крестьянин и черная собака», «Садовник укоряет короля», «И вернулся с девушкой в свою страну», «Сводящая с ума», «Али Бен Султан», «Знаменитый купец». Нередко в конце тунисской сказки можно обнаружить четко сформулированную мораль, ради которой она и была рассказана. Например, сказка «Эмир и сын бедняка» завершается следующими словами: «Храбрость и высокие моральные качества лучше положения в обществе и богатства!» [2, р. 20]. Эти слова прекрасно демонстрируют основной принцип *муруввы* и еще раз напоминают слушателю о важности соблюдения правил этого кодекса.

Что касается традиционного набора желаемых качеств, то объектом *муруввы* обычно принято считать представителя сильного пола. «Первым словом [*мурува*] еще в доисламские времена обозначался набор качеств настоящего мужчины, который обязан блюсти свою честь и утверждать свое превосходство. Женщины обычно рассматриваются лишь как объект страсти, играя роль хранительниц или нарушительниц традиционного благочестия» [6, с. 67]. Однако в тунисских сказках популярность женских персонажей очень высока. Огромное количество историй, преданий и легенд посвящено выдающимся девушкам и женщинам, которые стали гордостью своей семьи, проявив не меньшую отвагу, доблесть, преданность, верность данному слову, щедрость и терпение, чем герои-мужчины. Такое место женского образа в национальном фольклоре объясняется берберским прошлым Туниса, влиянием аль-Андалуса и близостью Европы.

В тунисских сказках героини, которым отведено первостепенное место, встречаются, пожалуй, чаще, чем герои. Причем они не менее отважны, смелы, щедры, красноречивы, верны и терпеливы. Некоторые качества, которые являются обязательной составляющей *муруввы*, приписываются в большей степени женским персонажам, нежели мужским. Например, такая важная характеристика, как терпение, присуща исключительно героиням сказок.

Примером тому служит большое число тунисских сказок, где главный женский персонаж доказывает свою выдержку и стойкость перед лицом самых тяжелых испытаний. В сказке «Камень терпения, дай мне терпения!» бедная девушка, выйдя замуж за царя и родив ему сына, становится жертвой обмана завистливых рабынь, но ее умение смириться с трудностями и мужественно переносить их помогает преодолеть все препятствия и восстановить справедливость. Похожий сюжет встречается и в сказке «Глиняная тетушка», но здесь уже с самого начала истории читателю четко дают понять, в чем будет ее мораль. Даже имя героини — Сабира, что значит «терпеливая». Интересно, что в обеих сказках есть некий предмет, который как бы помогает центральным женским персонажам справиться со своими бедами: он до-

бавляет им терпения. В первом случае — это «камень терпения», во втором — кукла, слепленная самой героиней из глины. Этим предметам они рассказывают о своей несправедливой судьбе, что помогает им смириться и выдержать все удары судьбы. Так народная культура предлагает прекрасное средство борьбы с жизненными неудачами, которое оказывается в реальности не менее эффективно, чем в сказках, — социокультурную модель поведения, предназначенную для снятия психологического напряжения. Только если в фольклоре в качестве помощников выступают неодушевленные предметы, то в действительности с этой миссией успешно справляются подруги. Этот культурный механизм оказывается очень эффективным: в общении с подругами женщины выплескивают накопившееся раздражение и эмоционально «подзаряжаются», готовясь снова вступить в бой с жизненными трудностями. Большинство женщин стараются успокоить своих подруг, призывая их во всем положиться на Бога и набраться терпения.

Есть и другие сказки, в которых описывается наказание нетерпеливой женщины. Так, в сказке «Аиша, дочь дровосека» главную героиню наказывают за то, что она не была достаточно терпеливой и ее любопытство взяло над ней верх: она нарушила запрет мужа, решила на хитрость, чтобы узнать, как выглядит ее супруг, и открыла потайную комнату ключом, который весел у него на шее. В результате Аиша подверглась испытаниям, которые должны были научить ее терпению и стойкости. В тексте приводится фраза, которую ей повторяют все торговцы рынка тайной комнаты: «Все это для Аиши, будь она терпелива» [2, р. 239–242].

В арабском обществе терпение культивируется не просто как положительное качество человека. Оно приобретает религиозный оттенок — терпение, смирение на пути к Богу, хотя в сказках эта мысль выражена слабо. В Коране не раз читается призыв к терпению верующих. Примечательно, что в сказке «Глиняная тетушка» мать учит дочь быть терпеливой и смиренной. До сих пор эти качества в девушке и женщине высоко ценятся в тунисском обществе, особенно в религиозных семьях, и матери стараются привить их своим дочерям с раннего детства. Интересна в данном случае довольно необычная по своему началу и концовке сказка «Фатима и великан» — она рассказывает историю маленькой девочки, чье храбрость и терпение проверяет страж сокровищ города. Фатима получает сокровища после преодоления испытаний страхом и угрозами. Стоит отметить, что эту волшебную историю рассказывает бабушка своей внучке Суад, поучая ее, какой она должна быть.

Не вписываясь в истории о женских подвигах, несколько отдельно стоит сказка «Женщина и трое нищих». Тем не менее ее героиня проявляет два других важных качества: щедрость и честность. Верность данному слову, как и преданность, — очень важная тема применительно к традиционному женскому образу. В представлении тунисцев идеальная женщина обязана свято соблюдать свое обещание и во что бы то ни стало быть верной главе своей семьи: отцу, брату или мужу. Пример для подражания подают героини сказок «Алия и Али», «Дерево обета», «Злая жена», «Три сестры и кустики блоховника», «Верная жена». В таком представлении о женщине сочетаются как своеобразное понимание *мураввы* в тунисском обществе, на которое накладывает свой отпечаток берберское прошлое, так и *асабийя*.

Но в то же время женщина может выступать и в более традиционной для арабской культуры роли — коварного персонажа, сбивающего героя с «пути истинного». Это либо жена-изменница, как в сказках «Эмир и его жена-изменница»

и «Седьмая комната», где женщина — «змей-искуситель», поддавшись на уговоры которого герой забывает о самом главном для него — преданности своему роду. Либо ярко выраженная злодейка, обладающая полным набором отрицательных качеств, больше всего порицаемых в арабском обществе: завистью, жестокостью, ворчливостью, — как в сказках «Марьям и старуха», «Алия и Али», «Хадиджа и шея петуха», «Вороной», «Сиди Бен Арус», «Удивительное яблоко», «Смертельная зависть», «Хана и злая мачеха», «Сапожник становится королем», «Девочка-сирота и старуха», «Острый меч», «Страдалица Люлюа», «Злая жена», «Зейнаб и газель», «Люлджа отказывается выйти замуж за брата», «Убивающий эгоизм», «Девушка-людоедка», «Люлджа и ее брат Али», «Подушка убивает роженицу», «Шаракат Вудуат», «Знаменитый купец». Отрицательный женский персонаж, как правило, приходится родственницей главному герою или героине по крови или в результате брака. Не только мачеха, сестра, тетя, другая жена отца или собственная жена могут всячески изводить ненавистного им человека, но даже и собственная мать, как, например, в сказке «Острый меч». В основном, конечно, именно женские персонажи занимают лидирующую позицию в списках «злодеев». Но если видеть в качестве отрицательного действующего лица мачеху или злобную старушку, занимающуюся воспитанием бедной сироты, вполне привычно, отчим в той же роли — редкость, которая, однако, встречается в тунисском фольклоре (сказка «Кто творит зло, тот погибает»). Еще один вариант отрицательного персонажа — самодовольная, кичливая дама, «знающая себе цену» и заставляющая героя выполнять ее прихоти, от которых страдают невинные люди. Пример такого персонажа — принцесса соседнего государства, которую хитрые визири «подсовывают» в жены своему повелителю, в сказке «Справедливый правитель»; красавица-покупательница, требующая от героя развестись со своей прекрасной женой, которая его облагодетельствовала, в сказке «Если наестся, начнет бодаться».

Кроме двух противоположных ролей, которые могут играть женские персонажи, немалое число тунисских сказок демонстрируют и третий вариант — хитрая особа, которая может разрешить любую ситуацию. Такие женщины славятся своей житейской мудростью и смекалкой. Причем возраст в данном случае не играет важной роли. Например, в двух историях с похожим сюжетом — «Жестокий король и умная девушка» и «Сальма и султан» — главная героиня, девушка или девочка, покоряет жестокосердного правителя своим умом и изобретательностью, справившись с такими загадками, перед которыми были бессильны взрослые мужчины. Тунисские сказки не забывают и о коварных женщинах, плетущих свои хитроумные интриги против мужчин и выходящих победительницами в этих «сражениях». Например, «Хитрость женщин» рассказывает о предприимчивой матери, которая никак не могла выдать замуж свою дочь. Она показала себя истинным знатоком нравов общества, в котором жила, умело манипулируя мнением окружающих в свою пользу. Коллективизм и обычное право преобладают в этом обществе над индивидуализмом и государственным законом. Как правило, все поступки среднестатистического тунисца направлены на то, чтобы получить одобрение и похвалу со стороны соседей, родственников, друзей — того круга, в котором он постоянно вращается. Самым же страшным наказанием, которое только можно себе представить, в традиционном обществе является всеобщее порицание и ostracism. Человек ничего не может им противопоставить и оказывается абсолютно беспомощным в полном одиночестве.



Вот как В. В. Бочаров рассказывает о причинах возникновения и закрепления этого феномена в традиционных восточных обществах: «Итак, общественное мнение обладало громадной принудительной силой, обеспечивавшей соблюдение норм на ранних стадиях социальности. Это было обусловлено тесной интегрированностью индивида в коллектив. Он практически полностью «растворился» в коллективе, Это же относится и к современным обществам с тоталитарными режимами, в которых доминируют коллективные представления, а также к традиционалистским обществам Востока, где неписанные законы имеют первостепенное значение в регулировании социальной жизни» [7, с. 167]. Данная характеристика частично объясняет, почему в стране так долго продержались тоталитарные режимы: сначала первого президента независимого Туниса Хабиба Бургибы, а затем и второго — Бен Али, правление которого оборвала революция 14 января 2011 г.

Героиня сказки «Хитрость женщин», обладая большим жизненным опытом и житейской мудростью, вначале представляет жениха дочери в качестве самого выгодного претендента на ее руку: во-первых, он двоюродный брат ее дочери по отцу (по завещанию Пророка ортокузенные браки до сих пор являются предпочтительными в большинстве арабских стран<sup>5</sup>), во-вторых, человек состоятельный, в-третьих, проработал много времени в другой стране. Эти характеристики поднимают престиж и самой дочери главной героини сказки в глазах жителей квартала. Но когда неудобный зять начинает отягощать жизнь матери и дочери, проворная теща тут же ставит все «с ног на голову», дабы выгнать бывшего нищего на улицу, не уронив при этом собственного достоинства и не нанеся вреда репутации семьи. Она опять делает ставку на мнение соседей и оказывается в выигрыше, потому что здесь безотказно действует правило: на чьей стороне мнение большинства, тот и прав. Нищий же, из-за своей неблагодарности лишившись какой бы то ни было поддержки, вновь вынужден вернуться на улицу и просить милостыню. Эта сказка, наверное, более других близка к современным реалиям тунисского общества, потому что она наглядно демонстрирует те принципы, которые им до сих пор руководят: люди, умеющие использовать общественное мнение себе на пользу и направлять его против своих врагов, приобретают власть и богатство. Другой пример распространенного мнения о женских возможностях — женщина способна обмануть ничего не подозревающего мужчину — демонстрирует сказка «Женщина и духи», в которой некрасивая девушка удачно выходит замуж благодаря хитрости своей матери.

Однако все это является лишь одной из трех постоянно взаимодействующих между собой систем «символического поведения» в арабском мире, как упоминалось ранее, и не всегда следует искать ее точного отражения в современных реалиях. Понятие фольклора не ограничивается исключительно преданиями, оно простирается вплоть до границ повседневной жизни представителей данной культуры и становится ее неотъемлемой частью, наполняя смыслом и связывая традицией рутину их ежедневных занятий.

«Вторым словом [*асабиййа*] издавна выражалась прежде всего верность своим сородичам по мужской линии, а следовательно, предписаниям обычного права с их принципами взаимопомощи и взаимозависимости, кровомщения и коллективной ответственности за пролитую кровь. Сюда входила забота о предках и потомках,

---

<sup>5</sup> Подробнее см.: [8].

включающая знание своего родословия, уважение к прошлому и старшим, абсолютный запрет добрачных и внебрачных связей для женщин. Обычным правом регулируются межплеменные отношения, способы разрешения конфликтов и т. д. Асабийя распространяется и на женщин, ибо они должны сохранять верность роду отца даже после выхода замуж» [6, с. 67]. В первую очередь принцип *асабийи* в народной культуре представлен традиционным правом. Значимость и роль традиционного права в государствах современного Востока хорошо описал В. В. Бочаров в книге «Неписанный закон»: «Как показывают материалы полевых наблюдений, особенно в странах Востока, обычно-правовая ментальность во многом определяет правовую культуру большинства населения данных стран, включая образованные слои (интеллигенцию). В результате возникают новые обычно-правовые нормы, призванные регулировать отношения внутри изменяющегося социального контекста. Их также зачастую называют “теневым правом”, подчеркивая тем самым, что они существуют не в виде единственного регулятора, как это было в традиционном обществе, а наряду с официальными (государственными) правовыми нормами (законами)» [7, с. 162].

*Асабийя* тесно связана с родоплеменной системой, потому что основана на обычаях кочевников, как арабских, так и берберских. Эти традиции во многом схожи между собой. Однако в Тунисе, в отличие от соседних Алжира и Ливии, племена не играют сколько-нибудь значимой социальной роли, поэтому бедуинские традиции и поведенческие нормы не столь значимы для большинства тунисцев. В настоящее время яркими доказательствами влияния *асабийи* в тунисской культуре остаются верность своей семье, обязательное правило взаимопомощи, которое работает повсеместно, знание и гордость своей родословной, уважение к прошлому и старшим, преимущественный запрет добрачных и внебрачных связей для женщин. Что же касается обычая кровной мести и ответственности всего рода за смерть человека, то эта традиция практически на территории всего Туниса канула в лету уже довольно давно. Большинство споров решают государственные суды или, если речь идет о сельской местности, уважаемые люди, старейшины.

Значение семьи в современном Тунисе, как и во всем арабском мире, очень велико. «Люди, сплоченные родством, активно действуют во многих сферах жизнедеятельности современного общества, порождая такие явления, как трайбализм, nepотизм (кумовство), а в конечном счете — коррупцию, которая на Востоке обрела огромные масштабы» [7, с. 292]. Самый яркий пример дают относительно свежие события в Тунисе — революция 14 января 2011 г. После известных событий на обозрение всего общества было представлено то, о чем раньше в народе только шептались, — монополизация самых «лакомых» сфер экономики страны кланом президента Бен Али и его второй жены Лейлы Трабелси. Ее семью большинство населения Туниса считало ответственной за все беды государства. Сам несчастный правитель стоял уже на втором месте. Его супругу обвиняли в том, что она пагубно влияла на мужа, заставляя его грабить страну и простых тунисцев. Большие состояния, накопленные родственниками семьи, простоявшей у «руля власти» больше двадцати лет, позволили многим из них сбежать из Туниса и жить на свободе за границей, что является еще одним доказательством значимости родственных связей в современном тунисском обществе.

Если вернуться к сказкам, то в них можно обнаружить призывы к героям оставаться верными своей семье в любых ситуациях. Персонажи, принимающие иное

решение, всегда подвергаются жестокой каре со стороны судьбы. Если встает выбор между преданностью своей семье и любовью, ответ однозначен — семья родителей. Таков «посыл» сказок «Эмир и его жена-изменница», «Седьмая комната». Например, в первой истории главный герой на просьбу отца пожертвовать жизнью жены ради его спасения отвечает отказом и убегает из родительского дома. Супруга же предает эмира, изменив ему с чернокожим прислужником. Сын горько сожалеет о своем прежнем решении, разводится с женой и с покаянной головой возвращается к отцу. Во второй сказке принц женится на принцессе вопреки воле обеих семей и убегает с ней в другое королевство. Юная героиня проявляет не больше почтительности к своему супругу, чем жена в предыдущей сказке: она нарушает его запрет, отпирает тайную комнату и выхаживает запертого в ней негра-невольника, в которого влюбляется, и решает вместе с ним известить принца. Но их планы рушатся, эмир убивает жену и ее любовника и возвращается в отчий дом. В обоих примерах четко освещена традиционная позиция, занимающая ключевое место не только в сказочном фольклоре, но и в реальной бытовой жизни тунисцев, — семья, в которой рождается и живет человек до момента заключения брака, должна быть для него всегда важнее той, которую он создает сам. При этом понятие «преданности» родителям (и в более широком значении — своему роду) тесно связывается с «зовом крови». Потенциал силы «одной крови» представляется гораздо более мощным в сравнении со всеми другими проявлениями человеческих чувств, в том числе и любви. Но этот фольклорный феномен не является одновекторным, напротив, он двуполярен. В сказках нет и не может быть рационального объяснения такой расстановки приоритетов, тем не менее в них обозначена безусловная «преданность» рода своему члену. Другая сторона, которая противопоставляется роду, в конечном итоге всегда дискредитирует себя, в то время как род продолжает прочно удерживать свое неприкосновенно высокое положение. Таким образом, сказки закладывают в головы юных тунисцев директиву предпочтения собственного рода другому и убежденность в преданности его членов со своей стороны.

Знание и гордость своей родословной — частое явление среди тунисцев. Даже обыкновенный туниССкий рабочий или крестьянин, занимающийся всю жизнь ничем не примечательным делом, может с легкостью рассказать вам все о своих предках как минимум до пятого колена и снабдить свое повествование красивой историей об основателе рода, который, конечно, имел арабское происхождение и отличился какими-нибудь выдающимися заслугами еще во времена арабского завоевания Магриба. Так, например, носители довольно распространенной в Тунисе фамилии Жебер (ее представительница юная теннисистка Онс Жебер<sup>6</sup> выиграла кубок чемпионата «Ролан Гаррос» среди юниоров в 2010 году) возводят свое происхождение к некому якобы существовавшему средневековому ученому аль-Джаберу (الجابري), который стал основателем алгебры (الجبر). Его могила, превратившаяся в *куббу* (قبة) — место паломничества здешних почитателей культа «святых», — по словам представителей этой семьи, находится на территории страны и пользуется большой популярностью у местного населения. Однако где именно располагается место захоронения мифического туниССкого аль-Хорейзми, не уточняется<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> В транслитерации на европейские языки фамилия передается по-разному.

<sup>7</sup> Коровкина А. Ю. Полевые материалы. Тунис, Тунис, Ж. М., муж., 25 лет, август 2010 г.

Примечательно, что в Тунисе принято оставлять девичью фамилию даже после выхода замуж. Крайне редко туниски присоединяют фамилию мужа к фамилии отца. Это тоже можно отнести к косвенному признаку влияния *асабии* на современное общество<sup>8</sup>.

«Третий термин [*дин*] соединяет арамейские понятия “суд”, “приговор”, среднеперсидское “вера” и староарабские “обычай”, “способ поведения”. Это кодекс поступков верующего, за которые следует воздаяние в сей жизни и в жизни грядущей. Ритуальные аспекты не отделяются от нравственных и правовых. Источники *дин* — священное писание и священное предание, а также комментарии к ним, включая юридические и стихотворные тексты» [6, с. 68]. Рассматривать последнюю нормативную систему — *дин* — в рамках сказочного фольклора Туниса гораздо сложнее, нежели две предыдущие, поскольку, как известно, мифологический фундамент, который лежит в основе любой сказки, закладывался задолго до возникновения самого «кодекса поступков верующего». Такое положение дел таит в себе немало опасностей для исследователя, что заставляет его быть очень аккуратным в своих изысканиях и особенно в выводах. Поэтому самым разумным, исходя исключительно из сказочного материала, представляется соотнесение лишь поверхностных изменений, которые претерпевают образцы народного творчества на территории Магриба с приходом ислама.

В этом контексте интересно обратить внимание на то, какие устоявшиеся формы принимают общераспространенные сказочные сюжеты, опираясь на утвердившуюся в регионе религиозную традицию. Например, у слушателей не вызывает удивления тот факт, что герой может иметь не одну жену, а несколько. В «Пощечине» у главного персонажа — султана в начале сказки уже есть жена и дети, но это не мешает ему жениться во второй раз и создать новую семью в другом городе. В конце же султан разводится со второй женой, возвращается в свой родной город, но при этом не отказывается от своего сына, рожденного во втором браке, — его он делает правителем завоеванного города. Если не рассматривать в данном случае глубинную суть приведенного здесь сюжета, а лишь посмотреть на то, каким образом были вписаны в канву повествования необходимые события в рамках этой культурной традиции, можно сделать вывод о том, что было и остается типичным для представителей этой цивилизации, поскольку задача любой сказки состоит в том, чтобы приспособить древний сюжет некоего мифа под изменяющуюся реальность той среды, в которую он попадает, и вся виртуозность этого фольклорного жанра заключается в его умении сделать это исключительно изящно, став неотъемлемой частью традиции и вобрав в себя как самые старые представления о мире, так и новые черты более поздних учений. В данном случае налицо практика «временного брака» (*نكاح المتعة*), который, как известно, разрешен у шиитов, но запрещен у суннитов, что сразу заставляет вспомнить шиитское прошлое Туниса во времена правления Фатимидов и даже современную практику, которая встречается во всех странах Магриба, в том числе и в Тунисе несмотря на закон о запрете многоженства, принятый правительством страны в 1957 г. «Правда, как отмечают некоторые исследователи, растущая рабочая эмиграция из берберских районов привела к все более часто встречающимся временным бракам, которые берберы-рабочие заклю-

---

<sup>8</sup> Коровкина А. Ю. Полевые материалы. Тунис, Тунис, С. Р., жен., 48 лет, февраль 2009 г.

чают на новом месте жительства, сохраняя одновременно жен в родной деревне» [9, с. 83–84].

Если в первом случае речь идет о «временном браке», то в других сказках можно встретить упоминания о полигамии («Али, сын султана», «Сапожник становится королем», «Половина ребенка», «Половина петуха», «Злая жена», «Люджда отказывается выйти замуж за своего брата», «Али Бен Султан», «Знаменитый купец»). Тот факт, что один и тот же сюжетный ход по-разному обыгрывается в сказках разных народов, еще раз подтверждает наличие культурных отличий, которые, несмотря на то, что затрагивают лишь верхний слой сказок, тем не менее могут рассказать много интересного. Например, наличие нескольких жен очень просто и в то же время логично объясняет рождение нескольких (двух или трех) детей (чаще всего братьев). Главным связующим элементом между ними выступает отец. Так происходит в сказках «Али, сын султана», «Половина ребенка», «Половина петуха», «Али Бен Султан». В русских же сказках решить этот вопрос сложнее, здесь в ход идет некий магический предмет, который обеспечивает рождение детей. Например, в сказках «Буря-богатырь Иван коровий сын», «Иван Быкович» таковым выступает рыба [10, с. 208, 217].

Другой яркий пример — отлучка героя. Данная сюжетная линия была хорошо изучена В. Я. Проппом. Он приводит множество вариантов объяснения отлучки старших или младших членов семьи, которые предлагает русская народная сказка [11, с. 132–133]. В Тунисе же самым популярным вариантом оказывается хадж, в который отправляется герой, потому что это объяснение выглядит вполне убедительно и естественно в условиях мусульманского общества. Примеры такого рода отлучек можно увидеть в сказках «Аиша и злодей», «Камень терпения, дай мне терпения!», «Дерево обета», «Кончина разбойника», «Три сестры и кустики блоховника», «Аиша и Ибик Бельхарис», «Семь девушек в кастрюле». В то же время хадж может выступать и предлогом для начала путешествия главного героя, как это происходит в сказке «Три мудрости».

Еще одна яркая особенность, привнесенная в тунисскую сказку исламом, — постоянное упоминание молитвы. Положительные герои обязательно рано встают и совершают утреннюю молитву. При любой напасти они обращаются с молитвой к богу, что характеризует их как истинных верующих, во всех своих чаяниях и несчастьях полагающихся на него, и, конечно же, их желания в результате исполняются. Кроме того, постоянное упоминание Господа (т. е. использование сакральной по своей сути формулы, *бисмилля*) также служит надежной защитой от всякого негативного воздействия, как, например, в сказке «Крестьянин и черная собака». Однако нередко молитва и другие атрибуты набожного человека используются отрицательными персонажами, чтобы причинить герою вред или вовлечь его в свой коварный план, который обязательно должен его погубить. Такие примеры встречаются в сказках «Принцесса с белоснежной кожей», «Дерево обета», «Верная жена», «Семь девушек в кастрюле».

Нельзя не упомянуть в этом контексте и о мечетях, тоже довольно часто встречающихся в тунисских сказках. Их функция отличается от той, которую обычно выполняют церкви в сказках христианских народов. В мечети герой находит свое богатство: это либо клад, как в сказке «Ребаба и удивительное сокровище», либо кошелек с деньгами, который в конечном счете приносит ему благополучие и про-

цветание, как в сказке «Честный нищий». Строительство мечети, так же как и строительство церкви, является благородным делом, достойным положительного героя, но речь о нем уже идет скорее в легендах, чем в сказках (например, в предании «Сиди Бен Арус»).

Несмотря на длительный французский протекторат и более шестидесяти лет независимого существования государства под управлением сторонников светского режима, религиозная составляющая — *дин* — в обществе до сих пор играет важную роль, хотя в меньшей степени, чем в других арабских странах. Ее значимость можно хорошо себе представить, проанализировав действия двух первых президентов независимого Туниса: несмотря на всю светскость проводимой ими политики, необходимость считаться с реалиями социокультурной обстановки заставляла их предпринимать определенные шаги, направленные на создание образа «доброго мусульманина». «Что же касается самого президента [Хабиба Бургибы], то он старается всеми силами публично подчеркнуть свою преданность мусульманскому вероучению. Он руководит религиозными праздниками (которые являются официальными государственными), иногда присутствует по пятницам на службе в мечети, закладывает первый камень при строительстве многих мечетей. Наконец, обращение в 1960 г. в ислам его первой жены (женат с 1926 г.), бесспорно, было политической акцией, также направленной на укрепление его престижа как мусульманина» [12, с. 21]. Последователь Бургибы Бен Али также старался время от времени показать себя публике в облике «истого верующего». «Чтобы не оттолкнуть от себя миллионы верующих, Бен Али совершил паломничество в Мекку, поцеловав черный камень, чем вызвал восторг народных масс Туниса. В одной из газет даже появился репортаж об этой поездке, который назывался “Ислам в сердце”. Многие наблюдатели расценили этот шаг президента как желание привлечь на свою сторону народные массы, исповедующие умеренный ислам, и выбить почву из-под ног непримиримых исламистов» [13].

Для большинства населения Туниса религия является важной составляющей жизни. В разных слоях общества она играет большую или меньшую роль, но всегда остается значимым фактором, оказывающим влияние на взаимоотношения людей. Традиционно людей набожных, строго исполняющих все заповеди ислама в стране уважают и почитают. Соответствующие примеры можно найти и в сказках, где ненавязчиво, но регулярно описываются те или иные предписания мусульманского вероисповедания, выполняемые героями волшебных историй. Однако их большая часть сводится к постоянному упоминанию имени Бога Единого. Некоторые сказители-тунисцы начинают свое повествование только после упоминания Всевышнего, испросив у него позволения на это, как в сказке-легенде «Сиди Бен Арус», которая также заканчивается словами восхваления Господа. Таким образом, можно сделать вывод, что самым главным для мусульманина-тунисца является вера в Бога Единого. Это убеждение соответствует первой заповеди ислама. Из других обязательных атрибутов истинно верующего в сказках указывается молитва. Что касается прочих заповедей ислама, то они в тунисских сказках практически не упоминаются.

Здесь можно провести параллель с убеждениями, бытующими в современном тунисском обществе. Каждый тунисец с удовольствием примется рассуждать о красоте и силе ислама, расскажет вам множество историй о том, как учеными были

сделаны те или иные открытия, подтверждающие правоту изложенного в Коране, или как какой-нибудь «неверный» принял ислам после того, как убедился в истинности этой религии. Подобный пример можно встретить и в сказочной традиции: в истории «Сиди Бен Арус» чудеса, творимые «святым», производят неизгладимое впечатление на итальянца, ставшего их свидетелем, заставляют его уверовать в силу ислама и стать мусульманином.

Но никогда не станет тунисец открыто порицать другие вероучения или навязывать тот образ жизни, который считает правильным. Так он будет вести себя как по отношению к иностранцам, так и к своим соотечественникам. Если даже кому-либо кажется, что другой мусульманин не придерживается предписаний ислама или выполняет их недолжным образом, он оставит это на его совести, отделавшись фразой: «Это между ним и Богом». Более рьяные приверженцы религии могут пожелать «заблудшему» собрату скорейшего исправления: «Да направит его Господь на путь истинный!» — но всегда эти слова будут произнесены очень вежливо, мягко и обязательно с улыбкой на устах<sup>9</sup>. Однако все тунисцы вне зависимости от степени их религиозности будут настаивать на признании самого главного положения в их мировоззрении — Господь только один, и у него не может быть ни помощников, ни «сотоварищей» (*таухид* توحيد). Хотя это убеждение не мешает широкому распространению культа «святых», процветающего на территории всего Магриба<sup>10</sup>.

Считается, что существуют люди, которые имеют более сильную связь с Богом, чем обычные верующие. Они обладают *баракой* (بركة). Жизненная сила — *барака* — доводится в мистической традиции до абсолюта, представляя собой проявление божественной сущности. На этой основе вырастает культ «святых».

Больше всего поклонников культа «святых» можно встретить в сельской местности, среди наименее просвещенных слоев населения. Жители же городов, особенно образованная прослойка, в большей степени склонны к соблюдению канонов ислама и нередко приравнивают почитателей *марабутов* (مرايطون) к язычникам. Мусульмане, не признающие традиции почитания местных «святых», именуют их могилы не иначе, как жилище дьявола, а *бараку*, которой по представлениям поклонников культа «святых» обладают *кубы* (قبة), они называют *карамат шайтания* (كرامات شيطانية) — «дьявольские чудеса»<sup>11</sup>. В качестве доказательств своей правоты приверженцы ортодоксального течения апеллируют к Корану, в котором не раз подчеркивается важность единобожия во всех его проявлениях и отсутствие у Бога «сотоварищей». По мнению приверженцев «истинного» ислама, своим поведением, возведением молитвы не непосредственно к Богу Всевышнему, а лишь к «святому», почитатели марабутов придают ему «сотоварищей», таким образом впадая в язычество. Кроме того, в качестве примера также приводятся слова самого Пророка о том, что он не обладает даром чудотворца и стал Посланником Божиим только благодаря милости Господа. «И говорят те, которые не веровали: “Если бы ему ниспослано было знамение от его Господа!” Поистине, ты — только увещатель, и у всякого народа есть водитель!» [17, с. 207].

Ревностные мусульмане, отрицающие близость «святых» к Богу, добавляют, что все просьбы, с которыми обычно люди обращаются к могилам местных «свя-

<sup>9</sup> В качестве примера см. опрос жителей Туниса относительно ношения платка [14–16].

<sup>10</sup> Коровкина А. Ю. Полевые материалы. Тунис, Джерба, Л. М., муж., 32 года, июль 2010 г.

<sup>11</sup> Коровкина А. Ю. Полевые материалы. Тунис, Джерба, Л. М., муж., 32 года, июль 2010 г.

тых», являются для Бога слишком мелкими и незначительными по сравнению с целым миром, которым он управляет. Поэтому они попадают в поле деятельности дьявола, чья задача и заключается в том, чтобы всяческими способами сбивать людей с пути истинного и заставлять их отказываться от веры в Бога Единого. «Бог един. Самый страшный грех — *ширк* (شرك), многобожие, или придание Богу соучастников, ведь, мы знаем, Бог не рожден и не рождает, у него нет сыновей и дочерей и не может быть сотоварищей» [18, с. 78].

Однако, несмотря на явное неодобрение со стороны ученых-теологов и вообще в целом последователей ортодоксального ислама, культ поклонения «святым» очень популярен в странах Магриба, что объясняется сильными анимистическими верованиями, сохранившимися с доисламских времен. «В культурно-исторической традиции Северной Африки вера в бараку приобрела поистине универсальный характер еще в раннем средневековье. Древнейшие представления о таинственных силах природы мало трансформировались в народном мышлении с приходом ислама. В то время как в языческой среде сверхъестественная благодать воспринималась как эманация некоего неопределенного безличного “священного”, в VII–VIII вв. под влиянием ислама она переосмысливается в архаической ментальности как божественный атрибут. Тем самым успешно снималось противоречие между исламским наследием и анимистическими природными верованиями: Аллах становился единственным источником бараки, но она продолжала ассоциироваться и с духами, тем более что в нормативных мусульманских представлениях вполне допустимо обращение духов в ислам» [19, с. 225].

#### Литература

1. Родионов М. А. Мурувва, асабийя, дин: к интерпретации ближневосточного этикета // *Этикет у народов Передней Азии*. М.: Главная редакция восточной лит-ры, 1988. С. 60–68.
2. Al-'Aribi A. Khurafat tunisiya. Tunis: Dar Sihr lin-nashr. 2009. 277 p.
3. At-Tahir Salyama M. Isdar jadid hawlya al-khurafa fi tunis: kitab “khurafat tunisiya” li 'Ali al-'Aribi. URL: <http://www.tunipresse.com/article.php?id=8511> (дата обращения: 17.03.2014).
4. Коровкина А. Ю. Народная культура в современном Тунисе: фольклор и действительность: магистерская дис. СПб., 2013. 159 с.
5. Abu Hureira. Amarat an-Nifaq. URL: <http://nooralislam.0wn0.com/t78-topic> (дата обращения: 05.03.2013).
6. Родионов М. А. Демоны слов на краю Аравии. СПб.: Наука, 2009. 162 с.
7. Бочаров В. В. Неписанный закон. СПб.: АИК, 2013. 328 с.
8. Родионов М. А. Еще раз об ортокузенном браке у арабов // *Алгебра родства*. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 1999. С. 264–266.
9. Дьяков Н. Н. Марокко: история, культура и религия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. 180 с.
10. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1087 с.
11. Пропи В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 335 с.
12. Ворончанина Н. И. Культурные преобразования в современном Тунисе. М.: Наука, 1978. 140 с.
13. Сапронова М. А. Зин аль-Абидин Бен Али // *Вопросы истории*. 2009. № 1 (Сентябрь). С. 21–35. URL: [http://historical-articles.blogspot.ru/2011/06/blog-post\\_11.html](http://historical-articles.blogspot.ru/2011/06/blog-post_11.html) (дата обращения: 01.03.2013).
14. Fi Da'irat ath-Thaw' — al-Hijab fi Tunis. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=GpJLiWmsb4> (дата обращения: 09.01.2013).
15. Fi Da'irat ath-Thaw' — al-Hijab fi Tunis. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=sm8tSzT6CY> (дата обращения: 09.01.2013).
16. Fi Da'irat ath-Thaw' — al-Hijab fi Tunis. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FABrD8H5vsc> (дата обращения: 09.01.2013).
17. Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986. 727 с.



18. Родионов М. А. Ислам классический. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. 258 с.
19. Орлов В. В. Поклонение силам природы в магрибинском «народном исламе» (XVIII–XIX вв.) // Человек и Природа в духовной культуре Востока. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. С. 221–242.

## References

1. Rodionov M. A. Muruvva, asabiia, din: k interpretatsii blizhnvestochnogo etiketa [Muruvva, asabiyya, din: to the interpretation of the Middle East etiquette]. *Etiket u narodov Perednei Azii [Etiquette of the peoples of Western Asia]*. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi lit-ry Publ., 1988, pp. 60–68.
2. Al-'Aribi A. *Khurafat tunisiya [Tunisian Folk Tales]*. Tunis, Dar Sihr lin-nashr Publ., 2009, 277 pp.
3. At-Tahir Salyama M. *Isdar jadid hawlya al-khurafa fi tunis: kitab "khurafat tunisiya" li 'Ali al-'Aribi [New folk tale edition in Tunisia: "Tunisian Folk Tales" by Ali al-Aribi]*. URL: <http://www.tunipresse.com/article.php?id=8511> (accessed: 17.03.2014).
4. Korovkina A. Iu. *Narodnaia kul'tura v sovremennom Tunise: fol'klor i deistvitel'nost': magisterskaia dis. [The folk culture of modern Tunisia: Lore and reality]*. St. Petersburg, 2013, 159 pp.
5. Abu Hureira. *Amarat an-Nifaq [Abu Hureira. The signs of hypocrisy]*. URL: <http://nooralislam.0wn0.com/t78-topic> (accessed: 05.03.2013).
6. Rodionov M. A. *Demony slov na kraiu Aravii [Words demons on the edge of Arabia]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, 162 pp.
7. Bocharov V. V. *Nepisanyi zakon [Common law]*. St. Petersburg, AIK Publ., 2013, 328 pp.
8. Rodionov M. A. Eshche raz ob ortokuzennom brake u arabov [Once again about Arab ortho-cousin marriage]. *Algebra rodstva [Kinship algebra]*, issue 3. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 1999, pp. 264–266.
9. D'iakov N. N. *Marokko: istoriia, kul'tura i religiia [Morocco: history, culture and religion]*. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press., 1993, 180 pp. (In Russian).
10. Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki [Russian folk tales]*. Moscow, Izdatel'stvo AL'FA-KNIGA Publ., 2010, 1087 pp.
11. Propp V. Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The Historical Roots of Fairy Tale]*. Moscow, Labirint Publ., 2000, 335 pp.
12. Voronchanina N. I. *Kul'turnye preobrazovaniia v sovremennom Tunise [Cultural transformations in modern Tunisia]*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 140 pp.
13. Sapronova M. A. Zin al'-Abidin Ben Ali. *Voprosy istorii [History questions]*. 2009. N 1 (Sentiabr'), pp. 21–35. URL: [http://historical-articles.blogspot.ru/2011/06/blog-post\\_11.html](http://historical-articles.blogspot.ru/2011/06/blog-post_11.html) (accessed: 01.03.2013).
14. *Fi Da'irat ath-Thaw' — al-Hijab fi Tunis [In the Spotlight — Hijab in Tunisia]*. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=GpJLiWmsb4> (accessed: 09.01.2013).
15. *Fi Da'irat ath-Thaw' — al-Hijab fi Tunis [In the Spotlight — Hijab in Tunisia]*. YouTube. URL: [http://www.youtube.com/watch?v=sm8tS\\_zT6CY](http://www.youtube.com/watch?v=sm8tS_zT6CY) (accessed: 09.01.2013).
16. *Fi Da'irat ath-Thaw' — al-Hijab fi Tunis [In the Spotlight — Hijab in Tunisia]*. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FABrD8H5vsc> (accessed: 09.01.2013).
17. Koran. *Perevod i kommentarii I. Iu. Krachkovskogo [The Quran. The interpretation of meaning by I. Y. Krachkovskiy]*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 727 pp.
18. Rodionov M. A. *Islam klassicheskii [Classical Islam]*. St. Petersburg, Azbuka-klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003, 258 pp.
19. Orlov V. V. *Poklonenie silam prirody v magribinskom «narodnom islama» (XVIII–XIX vv.) [The worship of the forces of nature in Maghrebian 'popular Islam' (XVIII–XIX cc)]. *Chelovek i Priroda v dukhovnoi kul'ture Vostoka [Man and Nature in the spiritual culture of the East]*. Moscow, IV RAN; Kraft+ Publ., 2004, pp. 221–242.*

Статья поступила в редакцию 19 мая 2015 г.

## Контактная информация

Коровкина Анна Юрьевна — аспирант; annie90@list.ru

Korovkina Anna Yu. — post graduate student; annie90@list.ru